

Леонид Тишков. ВЗГЛЯНИ НА ДОМ СВОЙ

Что так тянет меня сюда, в мой, собственно, дикий малолюдный край, где зима длинная, как Казанская железная дорога, а лето коротко, как жизнь воробья. Сирое место, убогое, втиснутое в узкую долину извилистой реки, перегороженную плотиной, возведённой для нужд чугунолитейного производства. Сам посёлок вырос вокруг завода, как полип вокруг камня, отовсюду видна высокая кирпичная труба, иногда изрыгающая «лисий хвост», иногда чёрный дым. На эту трубу, как на штырь, насажен посёлок, мой родной городок, где я родился и вырос.

Кадр из видео «Снежный ангел». 1998

Нижние Серги, вид с Больничной горы

Моя уральская родня на свадьбе двоюродного брата Бориса. Я в центре, мне шесть лет, надо мной старший брат Валерий, мать в темном платье в верхнем ряду справа, отец уснул на пригорке, выпивши, поэтому в кадр не попал. 1959 г., берег Верхнего пруда, город Полевской, Свердловская область.

Моя мать с ковриком собственной работы в доме в Нижних Сергах.

Вязаник — мифопоэтическое существо, созданное двумя главными составляющими моего искусства: феноменами времени и места. Овеществленная память: старая одежда моей семьи, разорванная на «махорики» — ленты, хранит тепло людей, живших в моих родных местах. Народное ремесло — вязание ковриков — становится ритуалом возвращения духов предков, соединение множества душ в спираль вечности, в «кокон памяти».

Леонид Тишков. Вязаник. 2005. Фотография

«Портрет матери на фоне ковра» и Леонтий, кукла для спектакля «Вязаник». Выставка «Взгляни на дом свой», 2017, Арсенал, Н. Новгород

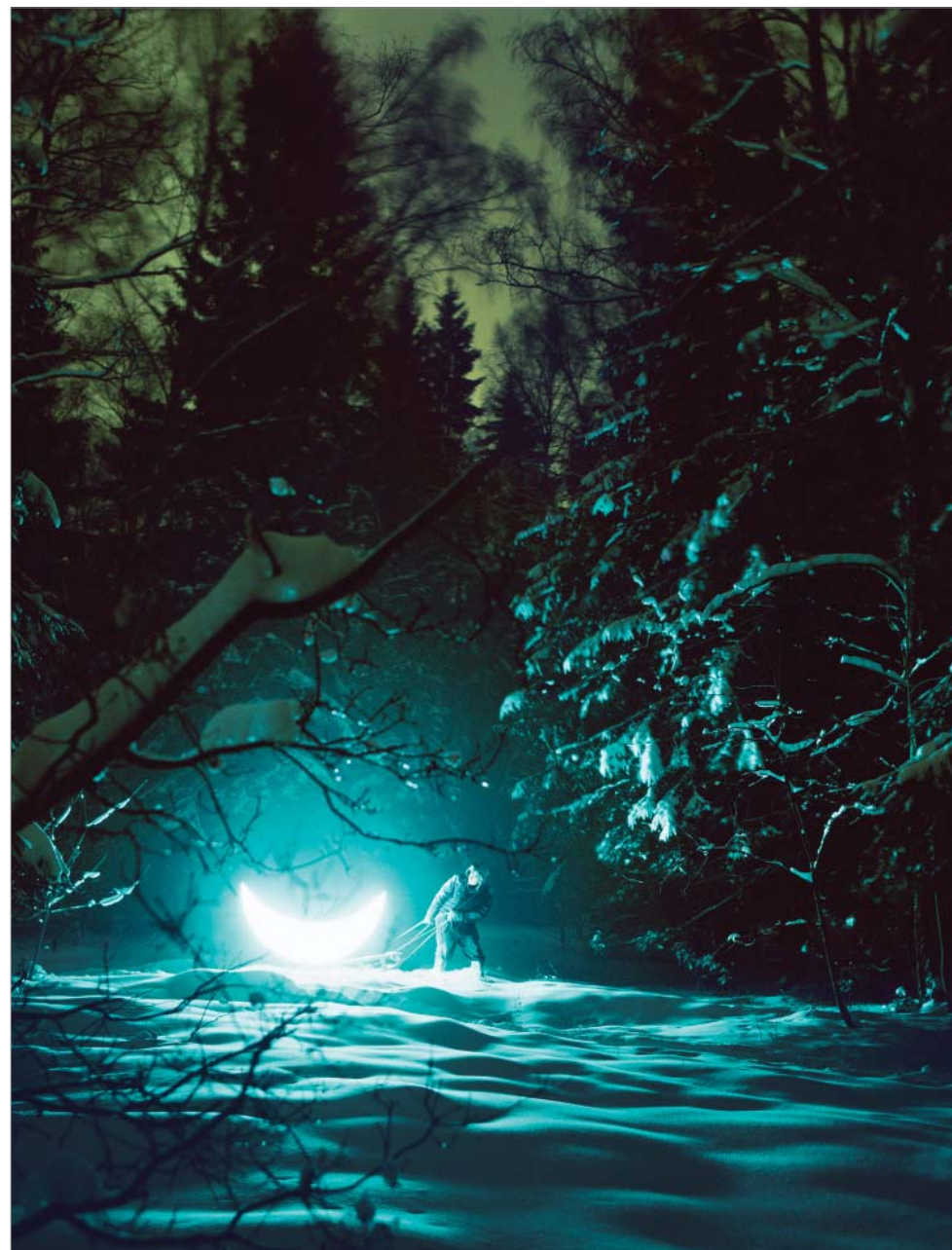
Пруд и гора Кукан, под которой на улице Нудовской стоял мой деревянный дом.

Сквозь паутину линий я увидел карты земель, где обитают Водолазы. Линии горизонтов очерчивали страну водолазов со всех сторон. Каждую секунду она меняла свои очертания. Стоило только водолазу пройти два-три шага — посмотреть в сторону дымчатых сопок, как начинали небесные картографы стирать ластиками прежние границы, наносить новые, потом опять стирать и вымарывать, и так бесконечно, превращая карты в грязные лоскуты, в пыль, оседающую на дороги.

Я увидел Солнце водолазов — оно восходило над морем — черное и, в то же время, светящееся.

Водолазы. 1993-2009. Бронза, лампа, резиновый шланг. Крокин-галерея

«Частная луна» — визуальная поэма, рассказывающая историю человека, который встретился с Луной и остался с ней на всю жизнь. В верхнем мире, на чердаке своего дома, он увидел Луну, упавшую с неба. Когда-то она пряталась от солнца в темном влажном тоннеле, ее пугали проходящие поезда. Теперь она пришла к человеку в его дом. Укутав Луну теплым одеялом, он угощает ее осенними яблоками, пьет с ней чай, а когда она выздоровела, перевозит на лодке через темную реку на высокий берег, где растут лунные сосны. Он спускается в нижний мир, облачившись в одежду своего умершего отца, а отом возвращается оттуда, освещая личной Луной дорогу. Переходя границы миров по узким мосткам, погружаясь в сон, оберегая небесное тело, человек превращается в мифологическое существо, живущее в реальном мире как в волшебной сказке.

Частная луна. 2003. Фотография Л.Тишков и Б.Бендигов

Есть в этом альбоме фотография родителей, сделанная весной 1941 года перед их свадьбой в городке Белая Церковь на Украине, куда отец был призван на военную службу. Отец в форме младшего лейтенанта артиллерийских войск, мать в белой блузке и темном жакете, и вторая фотография, того же времени, мать одна, с той же причёской, но в берете. Фотография матери вся в заломах, один уголок оторван, а на обороте её рукой написано: «Эта фотография прошла всю войну 1941-1945 г».

Время как толща воды, чем больше проходит, тем неразличимей дно, на котором лежат камушки. И я поднял горсть пуговиц, как со дна пруда камушки, поднёс к своим глазам, и они стали близки мне, потому что каждая стала рассказывать историю. Так появилась «Великая Панагия, или Ярославская Оранта», сложенная мной из этих пуговиц, как мозаика. Долго выклеивал, подбирая пуговку к пуговке, чтобы светилось все, переливалась красками. Висит она на стене, как память о наших матерях, а под ним круглый коврик с шерстяным младенцем.

Воссоздание образа из частиц утраченных жизней. 2007. Пуговицы, клей, видео

Пуговица отца. Бронза. Инсталляции «Умань». 2017

Двор был весь чистый и белый от выпавшего снега, дворник собирал его фанерной лопатой, обитой жестью, в холмики у забора. Много холмиков, сотни и тысячи холмиков вокруг, десятки тысяч могилок без имени, без фамилии, без крестов и камней, просто холмики, запорошённые снегом, по всей России окружают меня, под каким из них лежит мой дед Иван Григорьевич, разве возможно понять.

Безымянная. 2019. Ковер, дерево. Музейный комплекс им. Словцова. Тюмень

Фотографии из семейного альбома проявлены мной на батисте, лёгкой ткани, которую очень любила моя мать, в её шкафу когда-то висели два ярких платья из этой материи. Я взял ножницы и приступил к работе: мои родные, я сам, кто-то, кого я не помню или абыл, стали исчезать, разрезанные, разорванные, разделенные на ленты, чтобы потом свернуться в клубки. Вот висят под потолком все мои уральцы, вниз спускаются дорожки, нити, связующие их с землёй, на ней лежат клубки, из которых будут вязаться будущие коврики, вяжутся коврики. Так начинается бесконечная работа, простой домашний труд, чтобы в нашем доме не зябли босые ножки детей.

Инсталляция «Клубки памяти». Выставка «Взгляни на дом свой». Арсенал, Н.Новгород. 2017